

Н. А. Токарева (Москва, РУДН)

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ ТЮРКИЗМОВ
В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**
(на материале романа А. М. Ламажаа «Дороги серебряных шаманок»)

В статье анализируется лексика с национально-культурным компонентом семантики современного русскоязычного романа А. М. Ламажаа «Дороги Серебряных шаманок», а также рассматриваются сферы использования тюркизмов в художественных целях: для создания колорита места и времени, национальной языковой специфики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: современная литература; заимствования; тюркизмы; художественный текст; национальная культура.

The article analyzes the vocabulary with the national-cultural component of the semantics of the modern Russian novel by A. M. Lamazhaa "The Roads of Silver shamans", and also examines the use of turkisms for artistic purposes: to create a coloring of place and time, the national language specificity.

К e y w o r d s: modern literature; turkisms; borrowed words; artistic text; national culture.

Ламажаа Анна Момбужайевна – современная российская писательница и заслуженный деятель здравоохранения, родившаяся и живущая в Республике Тыва. Анна Момбужайевна, являясь билингом, пишет стихи и прозу на тувинском и русском языках. В своих произведениях она воспевает красоту родной земли и нелегкий труд врача.

Самое известное произведение писательницы – это рассматриваемый нами роман «Дороги Серебряных шаманок» (2011 г.), в котором «реальная история тесно переплелась с мистицизмом, шаманизм вступил в диалог с оккультизмом, отголоски личной биографии автора отразились на истории главной героини – внучки великой шаманки, которая пронесла дар своего рода через время атеизма, интернат, трудовые будни врача... Романом зачитываются читатели, ищущие новое слово в тувинской литературе, кому хочется узнать больше об истории репрессий в Туве, кому интересна новая версия тайны крепости Пор-Бажын, кто чувствует дыхание параллельных миров, где есть другая Тува» [1].

Исследуя особенности функционирования тюркизмов на материале рассматриваемого романа, мы сможем выявить роль данных языковых единиц в лексической системе произведения и увидеть их функции в художественном тексте.

Актуальность данной работы заключается в рассмотрении особенностей функционирования тюркизмов в произведениях современного автора А. М. Ламажаа.

Лексика современного русского языка неоднородна с точки зрения ее происхождения. История России неразрывно связана с историей различных тюркоязычных государств. От эпизодических контактов древних племен через более или менее регулярные взаимодействия в отдельных жизненных сферах до совместного проживания в составе многонационального государственного образования – такова общая схема развития взаимоотношений восточных славян с тюркскими народами [2].

Тюркизмы в русском языке – слова, заимствованные из тюркских языков в русский, древнерусский и праславянский языки в разные исторические периоды. Также тюркизмами называются «слова тюркского происхождения независимо от языка-посредника. Через тюркские языки в русский язык попали также слова арабского и персидского происхождения, имеющие лингвистический статус тюркизмов, например, хозяин или заимствованные из западноевропейских языков диван, киоск, халва» [3].

Широкому проникновению нерусских слов в русскую речь способствовали отражавшие национальную тематику произведения русских писателей-классиков. В целом, тема Востока в русской художественной литературе занимает большое место. Использование заимствований (в частности, тюркизмов) в русском романе способствует воссозданию восточной «картины мира», лучшему восприятию и осмыслению описываемых событий, обычаев и традиций народа, расширению миропонимания и мировоззрения не только русскоязычного читателя, но и иностранного [4, с. 113–114].

Тюркизмы в русском языке не единожды обращали на себя внимание исследователей. Изучением тюркских заимствований занимались как русские, так и зарубежные ученые: К. Менгес, О. Прицак. Весомый вклад внесли работы таких ученых, как М. П. Алексеев, Л. В. Щерба, И. Крейн, Л. П. Крысин, М. М. Маковский и др. Исследование процессов функционирования заимствований представлено в работах Л. П. Ефремова, А. В. Суперанской, И. Г. Добродомова, Р. А. Юналеевой, Р. Т. Мендекиновой, М. Ш. Мусатаевой, Л. А. Шеляховской и др. [5, с. 19].

Так как роман написан о жителях Тувы, в тексте из заимствованной лексики преобладают тюркизмы, а именно – тувизмы, которые являются для автора родными и понятными.

А. М. Ламажаа предупредительно сообщает об особенности своего произведения в предисловии к книге: «Читателя, незнакомого с бытом и обычаями тувинских кочевников, в первых двух частях книги может поразить обилие незнакомых и непереводаемых слов и трудных понятий. Специально для них пояснения даны в сносках, а конце из этих слов составлен словарь» [6, с. 5]. И действительно, непонятные и неизвестные современному читателю слова, относящиеся в миру, в котором проходит детство главной героини – Чаянмы, встречаются практически на каждой странице в первых частях произведения. Автор неоднократно поясняет неизвестные русскоязычному читателю тюркизмы и в самом тексте, и в сносках к произведению, и в словаре в конце романа. Таким образом, авторская ремарка и авторский комментарий играют значимую лингвострановедческую роль на страницах романа.

Как известно, каждый писатель тщательно и трепетно относится к отбору слов. И каждое слово должно неслучайно вписываться в общую канву художественного текста. Для статьи были выделены и обработаны тюркизмы выбранного художественного текста. Здесь будут указаны лишь некоторые примеры слов тюркоязычного происхождения, отражающие суть нашего исследования, демонстрирующие место и роль данной лексики в структуре романа.

Изучая художественный текст, мы опирались на ход исследования диссертации У. М. Бахтикиреевой «Художественные функции лексики с национально-культурным компонентом семантики в романе Ч. Айтматова “И дольше века длится день”». Рассматривая лексику языка «Дорог Серебряных шаманок», в работе обращается особое внимание на номинативную и сюжето- и текстообразующую функции слова, то есть на слово в контексте построения художественного смысла.

Рассмотрим **этнографическую лексику** (наименования предметов и явлений традиционного быта). Особенностью этой группы является дополнительная семантика имени.

Имена собственные («по имени и житие»):

В произведении представлено довольно большое количество (около 60) имен собственных. И каждое имя дано не случайно и имеет свое значение (после имен указана родственная связь по отношению к главной героине):

Мөңгун-Баштыг ‘Сереброголова’ – бабушка; *Алтынай* ‘золотая’ – Алтынайка – сводная сестра; *Маныкай* – подруга; *Лубсан Толуй-Толхоев* – муж; *Санат* ‘священное имя Господа Мира для ведающих тайны закона тонких энергетических миров – сын и т.д.

Некоторые имена трансформируются по ходу романа:

Буян ‘добро’ – *Буян башкы* – *Буян Биче-оолович Кыргыз* – директор *Берт-Дагской школы* – возлюбленный и верный друг.

Имена животных:

Аранчула – легендарный конь; *Көстук* – пес-пастух; *Кучулуг* ‘могучий’ – бык.

Исторические личности:

Чингис-хан – *чингис* ‘мох’ – Повелитель Земной; *Далай-Лама XIV* – духовный глава буддистов мира; *Детсун-гон* – царь небольшого северо-западного тибетского древнего царства Гугэ; *Моянчур Гэлэ-Хан* – с 742 г. – шад, т.е. принц крови, возглавлял уйгурский народ во время восстания против каганата голубых тюрок, в период 747–759 гг. – каган, хан Уйгурского каганата; *Идигань-Мэюнь-Хан*, урожденный *Кур-Тегин* – второй, младший сын *Моянчур-Хана* от согдианки, занявший трон после смерти отца в 759 г. и т.д.

Отдельно хочется отметить имя учительницы, которую Чаянмаа «на всю жизнь уважительно потом называла “Башкы”». Так тувинцы называют учителей, выражая им самое большое уважение и безграничное доверие. Ведь, по традиции, уважаемых людей нельзя было называть по именам» [6, с. 74]. Объяснение такого отношения находим в статье «Языковые особенности художественных текстов тувинского языка 1940–1950 гг.» А. В. Байыроол, которая, ссылаясь на работу Ш. Ч. Сата, отмечает, что в рассматриваемый период в лексике тувинского языка происходят изменения значения некоторых слов. Например: «*башкы* ‘учитель’ имело значение ‘буддийский лама’» [7, с. 27].

Также невозможно не обратить внимание на имя главной героини романа. Оно наиболее вариативно в тексте, что дает нам основание видеть в этом особую художественную функцию. С течением времени, со сменами эпох и политических строев, на различных этапах жизни Чаянмы ей даются разные производные от ее имени:

Чаянмаа (*Чаян* – ‘судьба’) – национальное тувинское имя, которое дают при рождении маленькой шаманке; **Маша**, дочь Амырта-дарги – так называет ее бабушка, чтобы спасти от расправы; **Нюра** – это имя Чаянма получает после смерти Сереброголовой. Новые родители Танаа (Татьяна) и Болат «по тайному семейному уговору» называют девочку уменьшительно-ласкательной версией от приемлемого в Советское время – Анна. «Многим, даже взрослым тувинцам, давали русские имена – это считалось признаком хорошей политической ориентации семьи» [6, с. 65]; **Чаянка** – «Судьба ты моя, Чаянка!» – так героиню именует влюбленный в нее Буян, несмотря на то, что по паспорту она – **Чооду Анна Болатовна**: «Мне не нравится, что русские имена еще сами по себе изменяются. Теперь я по паспорту – Анна, Аня. Опять звучит по-новому. Я чувствую, что изменение имени вносит какие-то изменения и в судьбу человека. Это имеет более глубокий смысл» [Там же, с. 92]; **Толуй Анна** – изменилась фамилия на древнюю фамилию мужа Лубсана; **Иоанка, Иоанна, Иоаннушка** (*Иоанн* – ‘любовь и мудрость Бога, Дар Богов’ – *Иван*) – «Знаешь, я это красивое имя произносил бы с любовью уменьшительно “Чаянка”. Так звучит очень тепло, но я, кажется, опоздал застолбить, так тебя зовет другой молодой человек. Поэтому я лучше буду тебя называть Иоанкой! Мне это ближе!» – говорит муж главной героине [Там же, с. 134]. Затем много лет героине не позволяли официально вернуть тувинское имя, что мешало Чаянме реализовать свое предназначение. «Душа ее звала к горным вершинам, предусмотренным ее судьбой и родовым именем, а ее личность по имени Анна тянулась к мирской, земной жизни и профессии, к глубоким недрам бытия. А по высшему понятию или “программе” имени Анна – это было стремление к созданию благодати, что в ее жизни и профессии означало служение земной жизни, людям. Анна стремилась к глубоко земной жизни и отрекалась от линии своей судьбы. Это уже дважды случалось в ее реальной жизни» [Там же, с. 136]; **Толуй Чаянмаа Болатовна** – имя, которое должна была носить героиня, предначертанное ей свыше.

Таким образом, имя в романе, особенно тувинские его формы, играют важную роль в понимании художественного текста. Они отражают не только внутренний мир главной героини на определенной стадии ее жизни, но и даже мир вокруг – жизнь Тувы на данный период времени (кочевая, советская, перестроечная), а также демонстрируют глубокое понимание и трепетное отношение к ней ее близких людей, видящих главное в Чаянме, чего добивается автор за счет коннотативной оценочной и эмоциональной лексики.

Быт и реалии (еда, одежда, посуда, игры и пр.):

Понятийно-смысловое содержание национальных реалий – номинативные тюркизмы – выполняют в тексте функцию лексической номинации, употребляются в контексте романа с целью реалистического воссоздания восточной среды, природы, быта, культуры, обычаев, нравов [4, с. 116].

Аал – ‘селение’; *көгээржик* – ‘кожаная посуда с тесненными узорами, с узким горлышком и широкой стилизованной формой’; *арака* – ‘тувинское молочное вино’; *курган* – ‘крепость’; *кыштаг* – ‘зимнее стойбище’; *юрта* – ‘дом’; *хоомей* – ‘горловое пение’; *ширтег* – ‘войлочное покрытие на полу юрты’; *чээрэн* – ‘степная антилопа’; *тон* – ‘традиционная верхняя одежда

тувинцев»; *тараа* – ‘жаренная пшеница, ячмень или просо’; *сайзанак* – ‘традиционная тувинская детская игра из камней, сложенных в круг, имитирующий внутренность юрты’ и т.д.

Ритуалы:

Оваа – ‘жертвенное место, имеющее сакральное значение’; *тос-карак* – ‘плоская деревянная ложка с девятью углублениями, с ручкой, украшенной резьбой для ритуального обрызгивания «белой пищи» (молочной) на все четыре стороны света с благопожеланиями девяти мирам’; *той* – ‘семейный праздник, посвященный: 1) рождению ребенка, 2) трехлетию ребенка, когда ему в первый раз стригут волосы, 3) сговору родителей на будущее сватовство с привязыванием к колыбели девочки ленточки – чалама’ и т.д.

Используя тюркизмы, Анна Момбужайевна переносит читателей в чудесный, неповторимый, богатый национальными красками мир кочевья – мир ее детства и детства главной героини романа – Чаянмы. Читатель буквально начинает чувствовать запахи ранее неведомых горных цветов, слышать крики незнакомых «степных» птиц, мерно покачиваясь в седле где-то позади лошади, на которой едет маленькая, но уже сильная и не по годам взрослая шаманка.

Тюркизмы, содержащие в себе яркую и броскую национально-культурную семантику, выполняют художественно-выразительные, а именно характерологическую, оценочную, описательную, субъективно-познавательную, текстообразующую функции, служат цели воссоздания восточной стилистической системы, перенесения в него специфической образности, создания ключевых образов, характерных для восточной поэтики (в частности тувинской). Например: *Бай-Хөл* – ‘озеро Байкал’; *Пор-Бажын* – ‘городище, расположенное на острове в центре озера Тере-Холь на юго-восточной границе современной Тувы’; *Ольхон* – ‘остров на Байкале’ и т.д.

Все эти места становятся чем-то большим, чем просто географические объекты, ориентирующие читателя в пространстве – это места, где происходят важные для Чаянмы события. Сами топонимы превращаются в символы. Например, остров Ольхон – остров любви для героини: здесь она встретила, полюбила и простилась со своим мужем и дублером Лубсаном. «Когда ты завершишь свой земной путь, я буду ждать тебя на Ольхоне» [6, с. 133].

Отдельно хочется отметить **горы и тюркизмы, описывающие их**, в произведении. Они передают высоту устремлений, жажду воплощения неземного, надземное в романе:

Таңды-Уула (Танну-Оола) ‘Драконов Хребет’ – огромная цепь горной гряды, протянувшаяся с востока на запад от горизонта до горизонта в южной части Тувы; *бэлы* – ‘склоны горы’; *караган* – ‘кустарники в предгорьях и в степной зоне’; *Чингир Даглар* – ‘Синегорье’; *таскыл* – ‘широкие поверхности вершин таежных хребтов и гор, покрытые редколесьем и нагромождениями камней и скал’ и т.д.

Также в романе представлены **мифологические топонимы**:

Шамбала – ‘легендарная, мифическая страна Востока’; *Сумбер-Уула* – тувинский вариант названия мифической горы Азии – ‘Сумеру’; *Салым-Аьрга* – ‘Лес судьбы’, *Уе* – ‘Лета’ или ‘Время’ и т.д.

Топонимы в произведении играют не просто фактологическую роль, именуя географические объекты реального мира, но и называя места из созданной в мифе, легенде параллельной реальности. Временами автор дает перевод таких топонимов, расшифровывает читателю название реки или горной гряды, тем самым вводя в глубину текста произведения, а также истории народа Тувы.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что А. М. Ламажаа активно использует в своем произведении тюркизмы, не только называющие предметы и явления реалий жизни кочевников, шаманов, но и художественно-выразительные слова тюркского происхождения. Анна Момбужайевна не заменяет слова эквивалентными понятиями, но поясняет их, давая читателю представление о называемом предмете, одновременно не отнимая у этих слов первоначального национального духа. Именно поэтому читатель имеет реальное представление об обитателях аалов и городов Тувы и может переноситься в другие измерения вместе с главными героями романа.

Интересно отметить, что одно из немногих слов, не поясняемое автором – это Өршээ ‘межд. о боже, спаси!’ [8], используемое в молитвах. Так как в данном случае автор непривычно для читателя не комментирует это слово, можно сделать вывод, что это междометие относится к понятиям, непереводаемым на русский язык или же сакральным. Ведь по словам Чаянмы: «Вселенная и весь земной мир пронизаны энергиями, а они могут управляться через соответствующую вибрацию. Изменения в ней могут быть вызваны вибрацией звука, то есть слова. Эти слова Силы содержатся в молитвах разных народов и религий» [6, с. 187].

Национальное своеобразие культуры тувинских кочевников проявляется в языке художественного текста, а именно в тюркизмах. Таким образом, проведенный анализ слов тюркоязычного происхождения на материале современного русскоязычного романа А. М. Ламажаа «Дороги Серебряных шаманок» (2011 г.) позволил выявить особенности функционирования тюркизмов в данном художественном произведении.

Наше исследование показало, что наиболее частотной художественной функцией тюркизмов, активно используемых автором в первой части книги, являются номинативная и сюжетно- и текстообразующая функции, помогающие автору ткать художественное полотно так, чтобы произведение было целостным, живым и неподдельным. Именно за счет тюркизмов яснее предстает перед читателем кажущийся современному человеку полумифическим мир детства главной героини книги А. М. Ламажаа «Дороги серебряных шаманок».

Полученные результаты могут представлять интерес как для культурологов и лингвистов, так и для специалистов, изучающих би-, полилингвизм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тува. Азия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.tuva.asia/news/tuva/7577-lamazhaa70.html> – Дата доступа : 30.03.2021.

2. *Сагитова, А. Г.* Тюркизмы в названиях предметов домашнего обихода : дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / А. Г. Сагитова; Казанский гос. ун-т. – Казань, 1992. – 223 с.
3. *Назаров, И. М.* Тюркско-татарские элементы в языке древних памятников русской письменности / И. М. Назаров // Учен. зап. Казанского гос. пед. ин-та. – 1958. – № 15. – С. 233–273.
4. *Бахтикиреева, У. М.* Художественные функции лексики с национально-культурным компонентом семантики в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день» : дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / У. М. Бахтикиреева; РУДН. – М., 1995. – 164 л.
5. *Мустакимова, Г. В.* Функционирование тюркизмов в художественном тексте / Г. В. Мустакимова, А. Искендикызы // Вестн. КГПИ. – 2015. – № 3. – С. 19–23.
6. *Ламажаа, А. М.* Дороги Серебряных шаманок / А. М. Ламажаа. – М. : ООО «4 Принт», 2019. – 305 с.
7. *Байыр-оол, А. В.* Языковые особенности художественных текстов тувинского языка 1940–1950 гг. / А. В. Байыр-оол // Вестн. Тувин. госуд. ун-та. Сер. 1, Социальные и гуманитарные науки. – 2020. – № 1 (56). – С. 22–30.
8. Academic.ru. *Тенишева, Э. Р.* Тувинско-русский словарь / Э. Р. Тенишева. – М., 1968. [Электронный ресурс] – Режим доступа : https://tuvan_russian.academic.ru/8611/%D3%A9%D1%80%D1%88%D1%8D%D1%8D. – Дата доступа : 30.03.2021.